

УДК 94(430)»19»
ББК 63.3(4Гем)
Г79

Нарушение прав автора, правообладателя, лицензиара
в соответствии с действующим законодательством Российской Федерации, включая,
но не ограничиваясь УК РФ, КоАП РФ, ГК РФ
влечет привлечение виновных к уголовной, административной
и гражданской ответственности.

Tim Grady. A Deadly legacy. German jews and the Great War
Перевод с английского Екатерины Поляковой

Грейди, Тим

Г79 Роковое наследие. Правда об истинных причинах Холокоста / Пер. с англ. языка Е. Поляковой. — М.: Издательство АСТ, 2019. — 368 с. — (Холокост. Палачи и жертвы).

ISBN 978-5-17-109284-9

В книге английского историка Тима Грейди проведено уникальное исследование истинных причин, приведших Германию к Холокосту. Как это парадоксально, но то воодушевление, с которым немецкие евреи встретили начало Первой мировой войны, а затем участвовали в ней наряду с немцами, сыграло с ними злую шутку. Автор скрупулезно изучает различные аспекты военно-экономической деятельности Германии и дает читателям понять, как немецкий подход к войне стал создавать опасные социальные проблемы. В книге использовано большое количество дневников, которые вели реальные участники событий, писем с фронта домой и других ценных исторических материалов.

УДК 94(430)»19»
ББК 63.3(4Гем)

ISBN 978-5-17-109284-9

© 2017 by Tim Grady.

Originally published by Yale University Press.

Печатается с разрешения Yale University Press
при содействии литературного агентства The
Van Lear Agency LLC

© Оформление, ООО «Издательство АСТ», 2019

Посвящается Виктории

Сокращения

BArch Berlin	Бундесархив, Берлин (Bundesarchiv, Berlin)
BArch MA	Федеральный военный архив, Фрайбург (Bundesarchiv-Militärarchiv, Freiburg)
САНJP	Центральный архив истории еврейского народа, Иерусалим
CJA	Архив Centrum Judaicum, Берлин
CV	Центральное общество немецких граждан иудейской веры (Centralverein deutscher Staatsbürger jüdischen Glaubens)
GStA PK	Тайный государственный архив прусского культурного наследия (Geheimes Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz)
HstAS	Главный государственный архив, Штутгарт (Hauptstaatsarchiv Stuttgart)
IfS	Институт истории города, Франкфурт-на-Майне (Institut für Stadtgeschichte, Frankfurt am Main)
JFB	Лига еврейских женщин (Jüdischer Frauenbund)
JMB	Еврейский музей, Берлин (Jüdisches Museum Berlin)
KfdO	Восточный комитет (Komitee für den Osten)
KRA	Отдел военных ресурсов (Kriegsrohstoffabteilung)
LAB	Земельный архив, Берлин (Landesarchiv Berlin)
LBINY	Архив Института Лео Бека, Нью-Йорк
PA-AA	Внешнеполитический архив, Берлин (Auswärtiges Amt-Politisches Archiv, Berlin)
RjF	Объединение еврейских фронтовых солдат Рейха (Reichsbund jüdischer Frontsoldaten)
SPD	Социал-демократическая партия Германии (Sozialdemokratische Partei Deutschlands)
StAHN	Государственный архив, Гамбург (Staatsarchiv Hamburg)
USPD	Независимая социал-демократическая партия Германии (Unabhängige Sozialdemokratische Partei Deutschlands)
VJOD	Ассоциация еврейских организаций в Германии в защиту прав евреев на Востоке (Vereinigung jüdischer Organisationen Deutschlands zur Wahrung der Rechte der Juden des Ostens)
ZvFD	Сионистская федерация Германии (Zionistische Vereinigung für Deutschland)

Благодарности

Когда я только начал думать об этой книге, жестокие события Первой мировой войны казались далеким прошлым. Экстремальные проявления шовинистического национализма, расизма и поощряемого государством насилия, мнилось, постепенно угасали, в то время как либерализм, толерантность и международное сотрудничество понемногу — но всегда лишь эпизодически — расцветали. Но 2016 год определенно уничтожил часть этого оптимизма. Можно лишь надеяться, что столетие Первой мировой войны напомним нам о важности диалога и взаимопонимания как внутри государств, так и между ними. Написание книги такого масштаба требует осознания этих ценностей. Вот почему я в неоплатном долгу перед архивархивами и библиотекарями Британии, Германии, Израиля и США, которые любезно помогли мне в исследованиях для этого труда. Их советы по сбору источников, давно забытым материалам и даже лучшим местным ресторанам были неоценимы.

И все же в первую очередь эту книгу сделала возможной доброта моих друзей, родных и коллег. Поэтому моя глубочайшая благодарность Мэтью Штиббе и Ханне Эвенс, которые при всей занятости потратили время на чтение каждой страницы черновика. Их тактичные и взвешенные советы не только указали мне на важные упущения, но и побудили обдумать иные аспекты темы. Каролина Шарплз, Гевин Шаффер, Нил Грегор, Маттас Зайтер, Алана Винсент, Тони Кушнер, Клаус Гитингер, Аня Леберт и Рори Касл — все они оказывали мне неоценимую поддержку на всем протяжении пути обсуждением разных сторон этой обширной истории. И еще я хотел бы поблагодарить Хизер МакКеллем и Рейчел Лонсдейл за огромное усердие, с которым они вели этот проект с начала до конца.

Я благодарен всем моим коллегам из Честерского университета — историкам и археологам, которые с течением времени сделали кафедру таким уютным и дружелюбным местом для работы. И нужно сказать, что во многом это стало возможным благодаря продуманному руководству декана факультета гуманитарных наук Роба Уорнера, но еще и благодаря компетентности и доброжелательному отношению заведующего кафедрой Кита МакЛея. Наконец, я хотел бы поблагодарить Орлу, Фриду и Викторию. Книга посвящается Виктории, которая не только поддерживала меня на протяжении всего пути, но и читала многочисленные черновики рукописи.

ВСТУПЛЕНИЕ

В августе 1914 года в популярном издании «Berliner Illustrierte Zeitung», запечатлевшем самые выразительные образы борьбы Германии в Первой мировой войне, была опубликована фотография кавалерийского батальона, который гордо выступал по главной магистрали Берлина — Унтер-ден-Линден. Взгляд останавливается на центральной фигуре в военной форме, сидящей верхом на могучем боевом коне. Склоняясь к двум штатским, бегущим рядом — оба немного неуместно одеты по-праздничному, — солдат в последний раз прощается с ними, прежде чем отправиться на фронт. Когда разразилась война, такие сцены происходили в больших и малых городах по всей Германии.

Газета не упомянула, что все трое изображенных на фотографии — немецкие евреи. Солдатом, рвущимся в бой, был юный студент из Берлина Вилли Лиманн, а двумя пешеходами — берлинский инженер Фриц Шлезингер и его молодая жена Эмма¹.

Лиман и чета Шлезингеров занимают типичное место в истории Первой мировой войны: они заметны как немцы и невидимы как евреи. В ходе войны почти 100 000 немецких евреев несли военную службу в качестве солдат, матросов, пилотов и штабных. Но в основном всех этих людей поглотила война. Еврейских мужчин и женщин, работавших в госпиталях, на полевых кухнях или заводах, также трудно отыскать. То же относится и к немецким евреям — предпринимателям, военнопленным или интернированным гражданам, находящимся за

границей. Сама типичность многих еврейских судеб помогла выявить их военную роль на фоне общего пейзажа Первой мировой.

По контрасту, найти примеры ярко выраженного еврейского военного опыта, когда евреи внезапно стали заметны, намного проще. Самое очевидное — история антисемитизма. В Первой мировой войне хватало антисемитских инцидентов, причем самыми распространенными были обвинения в наживе на войне дома или в уклонении от военных действий на фронте. Но именно печально известный еврейский ценз 1916 года, когда Военное министерство приняло решение подсчитать еврейских солдат в вооруженных силах, чаще всего определял историю немецких евреев в войне². Нет ни малейшего сомнения, что антисемитские нападки привлекли к немецким евреям внимание общественности.

Но такие примеры могут легко увести по неверному пути. Большую часть времени опыт, который немецкие евреи переживали в связи с конфликтом, был не исключительным, а совершенно обыкновенным³. Основная задача этой книги, автор которой принимает за отправную точку идею еврейской «нормальности», — вписать евреев в контекст общей истории Германии в Первой мировой войне. А это означает, что имеет смысл рассматривать евреев как активных участников немецкой военной истории задолго до того, как они стали ее жертвами. Существует вполне понятное стремление исследовать историю жизни евреев в Германии, ведя отсчет с финальной точки, будь то 1933, 1938 или даже 1941 год⁴. Но если писать эту долгую историю в обратном направлении, становится гораздо сложнее восстановить радости, скорби и потери, которые немецкие евреи, как и остальная часть немецкого народа, испытали во время Первой мировой войны. Снимая покровы с этих историй, книга берет за основу равную значимость как историй на различных фронтах, так и жизни в тылу. Различные пространства, в которых евреи и остальные немцы переживали Первую мировую войну, никогда не были изолированы друг от друга. Перемены дома или на передовой всегда были взаимоотраженными⁵.

Где бы ни приходилось выживать — в затопленной траншее во Франции, в подводной лодке в Северном море или на фабри-

ке в Руре, — судьбы людей были связаны друг с другом крайне тесно. И потому в большинстве своем немецкие евреи не «сражались на разных войнах», а, напротив, по шею увязли в том же самом кровавом конфликте, что и остальные немцы⁶. Они сражались в боях бок о бок с другими немцами, умирали вместе с ними на тех же грязных полях или вместе тонули в тех же ледяных морях. Дома члены еврейских общин страдали от экономических трудностей, умирали от голода при катастрофических перебоях с продовольствием и были вынуждены бороться за жизнь в неотапливаемых домах — но в ту пору так жили почти все остальные немцы. И потому не было никакого особого «еврейского пути» в годы Первой мировой, этот конфликт переживали различными способами и евреи, и немцы⁷.

Тот факт, что евреи испытали опыт войны не как часть особой субкультуры, а как часть более широкого общества, не заслуживал бы дальнейших комментариев, будь это история массовой культуры или городской среды⁸. Но исторические ставки, пошедшие в ход в Первой мировой войне, были, конечно же, куда выше⁹. По сути, война была столкновением наций, империй и народов, это была попытка одной державы подчинить другую. Этой цели удавалось достигать с помощью индустриализованного ведения войны. Пулеметы, артиллерия, танки, подводные лодки и газ — все было пущено в ход, чтобы убивать врага. Целые экономические системы и целые культуры были направлены на обеспечение победы. И потому увечья, раздавленные тела и массовая гибель стали неотъемлемыми элементами Первой мировой войны. Она породила неописуемые потери, боль и страдания. После нее осталось около 10 миллионов погибших, 20 миллионов раненых, 9,5 миллионов насильственно перемещенных, и еще много больше жизней изменились навеки.

Это был не просто конфликт на почве массовых разрушений, а конфликт, в котором евреи были полноправными участниками. И книга подчеркивает именно этот факт. Мы придерживаемся точки зрения, что немецких евреев следует рассматривать как «соавторов» формирования того, что быстро обернулось кровавым и бесчеловечным конфликтом, ибо они разделяли

надежды и ценности со многими другими немцами¹⁰. И если мы справедливо признаем евреев активными участниками конфликта, это означает выход за пределы довольно упрощенного регистра еврейской лояльности, патриотизма и героизма. Статистика участия в военных действиях, Железные Кресты, героические рассказы о сражениях и безмолвные военные мемориалы охватывают лишь малую часть конфликта¹¹. В самом деле, фокусироваться лишь на торжественной стороне дела значит замалчивать ужасы реальной войны. Евреи появились в ней не только как герои и жертвы, но и как подготовленные убийцы, культурные пропагандисты и горячие сторонники войны¹².

При огромных масштабах смерти, разрушения и страдания в истории Германии времен Первой мировой очень мало светлых моментов. Но в таком случае Германия отнюдь не единственная страна с весьма неприятной историей конфликта. У всех воюющих держав есть свои проблемные эпизоды: у британцев — политика в Ирландии, у французов — ответ на масштабные армейские бунты в 1917 году. И Германия не исключение. В ходе конфликта немецкая армия вторглась в Бельгию, оккупировала большую часть Восточной Европы, применяла химическое оружие, использовала принудительный труд людей и начала кампанию ничем не ограниченных военно-морских действий.

Тем не менее семь аспектов военно-экономической деятельности Германии, которые подробно обсуждаются в основных главах книги, заслуживают особого внимания. Первый из них касается огромного воодушевления войной в первые месяцы, когда евреи и остальные жители Германии часто позволяли своим патриотическим чувствам сорваться с цепи. Второй — вопрос всеобщей войны. С самого раннего периода распорядок жизни всех оставшихся дома был направлен на военную экономику: школы закрывались, ценные продукты выдавались по карточкам, а экономика все сильнее подчинялась нуждам армии. Третий аспект — разрушение культуры. Почти во всех слоях общества приветствовалось насилие и разрушение вражеской культуры — они воспринимались как законные способы вести войну¹³. Четвертая тема касается целей Германии в вой-

не, в частности, желания некоторых евреев и других немцев добиться аннексий и территориальной экспансии¹⁴.

Немецкий подход к войне начал создавать в ходе конфликта опасные социальные проблемы. Это видно в последних трех определяющих характеристиках немецкой военной кампании. Пятый аспект касается очернения внутренних и внешних меньшинств в ходе войны, в результате чего не только евреи, но и другие меньшинства оказались под угрозой. Шестой — разногласия как в тылу, так и среди войск на передовой, в ходе войны они становились все заметнее. Седьмой и последний пункт — печально известный миф об «ударе в спину», намекающий, что немецкая армия потерпела поражение не в бою, а из-за махинаций в тылу.

Весьма соблазнительно было бы заявить, что эти семь характеристик военно-экономической деятельности Германии были связаны преимущественно с крайне правыми политическими силами. У такого заявления было бы еще одно преимущество — оно вывело бы еврейское население Германии, которое обычно считалось вполне либеральным, за рамки самых экстремистских концепций времен войны¹⁵. И все же в случае Первой мировой войны такие предположения вдвойне ложны. Во-первых, немецкие евреи воплощали весь политический спектр, они определенно никогда не принадлежали только к либеральному лагерю. Евреи, пусть немногочисленные, могли быть левыми радикалами, страстными консерваторами, а в некоторых случаях — даже агитаторами правого крыла¹⁶. Во-вторых, экстремистские идеи во время войны не ограничивались правыми силами. Немцы самого различного происхождения и политических взглядов поддерживали территориальную экспансию или, например, использование разрушительных видов оружия. А расхождения, если они и случались, — во всяком случае, до последних месяцев войны — редко затрагивали этическую сторону ведения войны, а скорее касались наилучших подходов к победе Германии¹⁷.

Вот почему следует признать, что евреи вместе с остальными немцами способствовали определению пути, которым шла Германия в ведении войны. И сам этот факт не остался без по-

следствий: четыре с лишним года насилия, смерти и разрушений нельзя было внезапно стереть с прекращением военных действий. Речь, совершенно очевидно, идет о тех, кто потерял близких, был ранен на войне, чьи жизни были непоправимо разрушены конфликтом. Но даже там, где людям удавалось восстановить семьи, сообщества и предприятия, война зачастую продолжала отбрасывать мрачную тень на государство, политику и общество в период между мировыми войнами¹⁸. Возвращение в безоблачное лето 1914 года, как осознало большинство немцев, было несбыточной мечтой.

И поэтому третий основной аргумент этой книги — то, что остатки культуры военного времени, которые определились при участии евреев и остальных немцев, оставили опасное наследие для послевоенного мира. В частности, семь особенностей немецкой военной кампании — воодушевление войной, всеобщая война, разрушение культуры, аннексии, «чужие», разногласия и миф об «ударе в спину» — определили и социальную, и политическую атмосферу послевоенной Веймарской республики. Нестабильность и хаос, ставшие результатом этого наследия, сыграли на руку национал-социалистическому движению на пути к власти. Вот почему рост популярности нацизма нельзя объяснить только длительной преэминентностью немецкой истории, восходящей к объединению Германии, или спецификой колониализма XIX века¹⁹. Напротив, именно специфика немецкой Первой мировой войны — конфликта, облик которого совместно создали евреи и другие немцы — заложила фундамент для возможного пути Гитлера к власти²⁰.

Конечно, не было никакой прямой линии от конфликта и от метода, легшего в его основу, к формированию этого послевоенного наследия. Прочным барьером между военным и мирным периодом встал триумвират поражения, революции и Версальского договора. Общее смятение от этих трех событий, вызвавших страх перед большевизмом и упадок нации, определило переход семи характеристик немецкой военной кампании в послевоенную Германию²¹. В хаосе послевоенных лет некоторым элементам культуры военного времени удалось перейти из военного в мирное время. Так, например, наследие

воодушевления войной в начале 1920-х годов пребывало скорее в спящем состоянии: предположительно потому, что после поражения мало кому хотелось, чтобы им напоминали о недавнем страстном желании конфликта. С другой стороны, миф об «ударе в спину», первоначально возникший в последний год войны, стал вызывать еще более яростные споры, как только война достигла своего прискорбного итога.

И все же самый радикальный сдвиг в немецкой военной культуре произошел с участием наших главных героев. После тяжелого завершения конфликта некоторые небольшие радикальные группы правого крыла, часто состоящие из людей слишком молодых, чтобы успеть побывать на фронте, начали заявлять права на наследие войны²². Там, где немецкие евреи когда-то помогли сформировать подход Германии к конфликту, после войны их стали постепенно отодвигать на второй план, поскольку правые политические силы смотрели на конфликт как на средство легализовать собственное существование. Впрочем, эти сдвиги происходили крайне медленно. В них, разумеется, не было ничего предопределенного или неизбежного. В первые годы после войны некоторые немецкие евреи сохраняли активный интерес к многообразному наследию войны, будь то вопрос о позиции Германии на востоке или быстрый рост политического насилия после революции. И только по мере того как в конце 1920-х годов стал укрепляться антисемитизм, позиция евреев в этих вопросах стала гораздо более шаткой.

Национал-социалисты, ставшие подлинной силой в период Великой депрессии, по мере укрепления собственных позиций дали новую жизнь наследию конфликта 1914—1918 годов. Самозваная партия войны, возникшая среди потрясений войны и революции, всегда придавала большое значение опыту Первой мировой, милитаристическим ценностям и свержению «диктата» Версальского договора²³. Но лишь после прорыва на выборах в сентябре 1930 года партия Гитлера получила возможность до основания переиначить наследие войны. Впрочем, вскоре после этого ее влияние очень быстро стало ощутимым. Это движение вознесло на пьедестал погибших на войне, изменив существующую культуру памяти в Германии; оно стре-

милось воссоздать внешнее единство августа 1914 года через идею «Volksgemeinschaft» («народной общности») как средства исцелить социальную разобщенность и защищалось от второго «удара в спину», преследуя тех, кого обвиняли в содействии поражению Германии в 1918 году: евреев и коммунистов²⁴. Все это было подготовкой к будущей всеобщей войне, пусть и невиданного прежде размаха. Восточная Европа оставалась предметом территориальных притязаний Гитлера, но, в отличие от Первой мировой войны, это была лишь стартовая точка, а не конец мечты об экспансии²⁵.

Во время Первой мировой войны никто — ни евреи, ни остальные немцы — не мог представить, что опыт войны оставит опасное наследие, которое послужит питательной средой для второго столкновения, куда более смертоносного. Но произошло именно это²⁶. Путь Германии через годы Первой мировой не только дестабилизировал немецкую политику и общество, он сделал ее народ подвластным духу насилия и разрушения. Другие правые группы Германии тоже заигрывали с этим наследием, но понадобилось национал-социалистическое движение, чтобы применить его ко Второй мировой войне. Но в этом новом конфликте немецкие евреи уже не входили в число главных героев, напротив, они стали его жертвами, истребленными вместе с еще шестью миллионами европейских евреев в развязанной национал-социалистами войне геноцида и разрушения.

I

На пороге

В середине июля 1914 года, когда Европа уже очутилась на грани мировой войны, генерал фон Клейст, дряхлый ветеран войн за объединение Германии XIX века, нашел время написать статью для консервативной «Kreuz-Zeitung». Темой ее стала не военная стратегия или последние новинки оружия — судя по всему, важные проблемы в то время, — а вопрос, допустимо ли евреям быть офицерами в армии. Клейст твердо придерживался мнения, что евреям присваивать офицерские звания не следует, и приводил ряд причин для этого. «Армия расово чиста» — так звучала одна из них. «Германия — исключительно христианское государство» — такова была другая¹. Во всех аргументах своей статьи Клейст ломился в открытую дверь. Консервативные слои Германии уже давно придерживались мнения, что евреям не подобает принимать командование над солдатами-христианами. Прусский офицерский корпус, члены которого, как правило, питали к евреям крайне мало уважения, также не видел особых причин изменять существующее положение.

Ко времени написания статьи Клейста прошло уже почти тридцать лет с тех пор, как последний еврей стал офицером запаса в прусской армии, хотя ситуацию в Баварии можно назвать чуть более благоприятной — там была горстка офицеров-евреев². Но многие евреи с безупречной биографией, которые в других обстоятельствах получили бы офицерское звание, остались